

"Стать полезным винтом в машине..."



Когда листаешь страницы одесского журнала "Шквал", выходявшего в 1924-33 гг., то в голове невольно начинает звучать "Марш энтузиастов". Издание существовало под патронатом Одесского Губкома КП(б)У, Губисполкома и Губпрофсовета, раз в две недели (а потом еженедельно) оно доказывало своим читателям, что "каждый, кто комсомолод", каждый рабочий должен "быть и слесарем, и наркомом". Таков был дух эпохи, и предыдущие поколения людей находили в той жизни свое место, ибо, как известно, "времена не выбирают".

Сегодня журнал интересен, прежде всего, документальной фиксацией фактов, событий, своей насыщенной иллюстративной частью.

Чрезвычайно любопытно читать фельетоны Суфи и чувствовать отношение к городу человека 20-х гг., услышать как бы его размышления о прошлой и настоящей экзотике Одессы.

Название одного из материалов ("То, чего нет") становится теперь рубрикой, в которую можно отнести описанные в "Шквале" материалы о музеях "Старая Одесса" и музее еврейской культуры, а также о таком удивительном месте, каким был в Одессе многие годы "Детский городок". Все это ушло из города, растворилось, потеряло первоначальное значение. Осталось, как говорится, только на бумаге...

Журнал старался знакомить читателей с хорошей литературой, поэтому мы находим на его страницах рассказы И. Бабеля, Ю. Яновского, В. Каверина, публикации Леся Курбаса, Д. Маллори (Бориса Флита), отрывок из романа М. Булгакова "Белая гвардия". В каждом номере публиковались стихи Э. Багрицкого, С. Кирсанова, С. Бондарина, Т. Тэс, И. Микитенко, В. Сосюры и многих других.

Репортажи с обильными фотоиллюстрациями сохранили для нас не только облик одесситов тех лет,



ЦЕНА 15 КОП.
ШКВАЛ
 № 14



НА ДРУГОМ БУДУЩЕМ

Ш К В А Л



ДЕВЧОНОК

Ш К В А Л



АЛЛО, АЛЛО, ГОБОРИТ ОУЩЕЛ

но и круг их интересов. Призыв "учись!" приводил к рассказу о городской уникальной публичной библиотеке. Корреспонденты следили за оперативным восстановлением оперного театра, который в 1925 году, как известно, пережил пожар. Интереснейшую подборку высказываний о творчестве Бабеля предложил в одном из номеров маститый одесский критик И. Крути. Выяснилось, что современники далеко не всегда однозначно принимали творчество писателя.

Останавливают внимание очерки Михаила Жука, художника и педагога, знавшего, кажется, весь цвет художественной интеллигенции. Со многими из них он вел активную переписку, о других оставил любопытные заметки. "Шквал" напечатал, в частности, его материалы о художниках Соломоне Кишиневском и Александре Мурашко.

Отметим, что это издание, спустя уже многие десятилетия, не теряет своей значимости при изучении социальной и художественной жизни Одессы середины 20-х – начала 30-х гг.

Татьяна ЩУРОВА



ТО, ЧЕГО НЕТ

(НОВЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ОДЕССЕ)

Одесса — город экзотический. В каждой стране есть свой экзотический город, который совершенно непохож на остальные ее города. В этих городах все события заслуживают оценки только в грандиозном масштабе, и девять десятых из них входят в историю культуры так же просто, как и в хронику происшествий.



Сейчас двери подвала забиты и на них надпись "Тамбринус"

Бабель ни за что не родился бы в Одессе, если бы только на секунду сомневался в ее действительной экзотике. Наконец, что бы делала в литературе Любка Козак, не будь экзотики и Одессы?

Но что прикажете делать путешественникам, которые специально приезжают посмотреть экзотический город и требуют, чтобы им подали экзотику наличными, без обмана, от поезда до поезда?

Такой человек может наделать много шума, если вместо экзотики ему показать только лестницу и памятник Ришелье или же подарить на память книжку "Одесские трущобы", написанную настоящим полицмейстером. Такому человеку нельзя втолковать и того, что Одесса — не заповедник экзотики, которая валяется без дела на улице, и что всю свою наличную экзотику Одесса давно уже экспортировала через Аркадия Аверчен-

ко и других, превратясь с тех пор в тихий и спокойный трудовой город.

Напрасно принято думать, что в классических странах только и делают, что фабрикуют классику. Это не так.

В классических Афинах все сплошь наполнено венскими подделками, и эллинские сокровища можно найти лишь в британском и берлинском музеях.

Лучшие ангорские козы водятся как раз не в Ангоре, а в Капштадте, а лучший кофе Мокко растет в Южной Америке, не в Аравии.

Все относительно.

Но тем не менее, сразу отмахиваться от всего и клясться, что никогда ни единая крупица экзотики не ночевала в Одессе, — нельзя. Какое-то "полное собрание сочинений города Одессы" быть должно, хотя бы для дачников.

Нужно пересмотреть весь старый арсенал занимательных историй и анекдотов, произвести чистку их и слегка освежить конструктивно, согласно требованиям публики, воспитанной на Сельвинском. Иначе получается старо. Кого не спросишь, все Маразли да Маразли. Ну, еще театр. Или — Гольдштейн из "Пале-Рояля".

Экзотическую летопись надо начать с А.С. Пушкина. Все, что до него, должно быть совершенно исключено, как относящееся к доанекдотической эпохе. А.С. Пушкин первый из русских людей не постеснялся назвать Одессу — блестящей Европой. Оттуда все и пошло. Ему же можно, кстати, приписать и каламбур, впоследствии известный как пословица: "семья не без уroda", — в такой формуле: "как семья не без уroda, так и Россия — не без Одессы".

К счастью, все это было в давно прошедшие времена и сохранилось лишь в преданиях.

В здешнем музее хранится тяжелая железная палка поэта, а из писем его мы знаем, что он обещал познакомить своего друга П.А. Вяземского "с подвижниками Иордаки и с гречанкою, которая целовала Байрона". Подвижников Иордаки можно опустить, но гречанку, целовавшую Байро-



на, обязательно следует ввести в основной курс местной экзотики. Также и палку.

Эти две свежие темы, неразрывно связанные с искусством, должны с успехом заменить надоевшие истории об отважных контрабандистах и комиссионерах.

Во времена более близкие нам путешественник приезжал в Одессу с твердым знанием того, что вся экзотика окопалась в "Гамбринусе". С пьяной руки Куприна маленький подвальчик легко вошел в большую литературу, а Сашка скрипач в положительное бессмертие. Лет двадцать тому назад Юшкевич приобщал к экзотике в залах "Гамбринуса" молодого драматурга Переца Гиршбейна. Впрочем, если бы записывать всех знаменитых гостей "Гамбринуса", пришлось бы издать особый справочник, вроде "Вся Одещина", и назвать его "Весь Гамбринус".

Сейчас двери подвала забиты, и на них еле видна историческая надпись "Гамбринус". И там, где когда-то Сашка-скрипач сделал Куприну один из лучших его рассказов, гниль и запустение символизируют пройденное прошлое.

Это хорошо, что Гамбринус закрыт.

Все классическое должно быть в покое.

Все классическое должно быть мертво.

Легенды создаются только о классическом, о том, чего нет. Забитые двери "Гамбринуса" — памятник на могиле экзотики. Когда-то она была украшением города, и самые степенные люди радовались тому, что у них все не так, как у других людей.

Быть потомком контрабандиста считалось очень неплохо. Налетчиками гордились. Купцы торговали воздухом.

Небольшой кусок товарного воздуха и пару накладных на него стоит сохранить для потомства, как образчик высокого производительного труда старой Одессы.

Пройдет еще немного лет, и новая жизнь сметет последние корешки



Еще один король не у деа

смешных воспоминаний о людях, которые не сеяли своего, а всегда только жали чужие нивы.

Далее, я предложил бы почтить память Леона Дрея, который был не только крупной литературной величиной, но и уважаемым, должно быть, муниципальным деятелем, одним из отцов города. Какими нарядными стали бы улицы, если бы можно было украсить стены домов мраморными досками: "Здесь жил тот, кто был Леоном Дреем". Таких досок могло бы понадобиться тысяч сто, я думаю, не меньше.

Над каким-нибудь столиком в кафе бывш. Фанкони нужно обязательно надписать "Здесь изволил сидеть Невзораки, он же граф Невзоров, горой Алексея Толстого". Особо настойчивым туристам показывать каракулевые шкурки, купленные Невзоровым в таможене.

А в старых, умирающих кварталах Молдаванки не трудно показать последних биндюжников из Бабелевской "Конармии". Самого Беню Крика я отнес бы к французской школе и рассказывал бы о его бытии попутно с историями о Ришелье и Ланжероне.

Нет ничего невероятного в том, что он окончил, быть может, Ришельевский лицей. Человек малограмотный не сумел бы сделать из своего отца короля Лира.

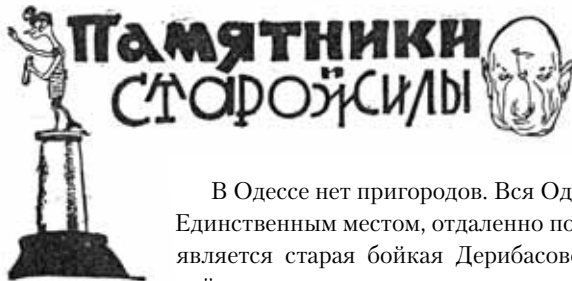
Для тех же, кто, справедливо поступая, не ищет экзотики прошлого, а требует от Одессы "патента на благородство" в настоящем, решительно необходимо напечатать списки одних только знаменитых поэтов и редакторов, экспортированных в Москву. Взять хотя бы... Впрочем, это в другой раз.

Достоин описания и бывший актер из беспризорных Крыса, неожиданно ставший на путь трудовой жизни под влиянием успеха фильм, в которых он снимался.

А в конце концов, если логически разбираться, так и в спасении Нобиле и Амундсена Одесса участвует своим человеком. Этим обстоятельством тоже нельзя пренебречь, составляя путеводитель по экзотике.

Суфи.





В Одессе нет пригородов. Вся Одесса живет в центре. Единственным местом, отдаленно похожим на пригород, является старая бойкая Дерibasовская, где как будто действительно никто не живет, но где все обязательно почему-то бывают. Вроде сегодняшнего Северного полюса, где нет ни одного коренного жителя, а вместе тем, и весело, и шумно, и модно.

Вся Одесса живет в центре. Человек с Молдаванки и человек с Зернового рынка одинаково честно уверяют, что центр именно там, где они живут. Я вот хочу жить у Александровского парка, так меня твердо уверили, что это-то как раз и есть самое бойкое место.

Впрочем, центральное место еще не обязательно самое бойкое. Например, самой центральной гостиницей является "Лондонская", а между тем, насколько известно, она едва ли самая бойкая.

Центр — понятие трудно уловимое и не всегда однозначное, но во всяком случае всегда указывающее на солидность.

В старые времена центры определялись по памятникам. По числу их или, скажем, добротности устанавливался разряд центров. Но сейчас с памятниками совершенно неблагополучно. Взять хотя бы старые памятники. Ну, вот, Ришелье, скажем. Невоспитанно и грубо: стоит себе человек в купальном халате и показывает пальцем на морские ванны и на лиман. Дескать, купайтесь во имя мое, дорогие граждане. Это — грубая курортная реклама, а не исторический памятник. Или взять другой памятник, на пл. К. Маркса. Очень непонятно и сложно: стоит каменное бревно, и на бревне совершенно пусто, даже надписи никакой нет. Я пытался было установить прежний вид памятника у старожилов, но оказалось, что хуже всего, что давно уже в Одессе нет никаких старожилов.

Кого ни спросишь:

— Не одессит ли вы, гражданин?

— Что вы, что вы, я человек новый, приезжий.

— И давно здесь?

— Да нет, каких-нибудь, пятнадцать лет всего. Я сам, знаете, из Балты.

И когда приглядишься ко всем этим приезжим, выходит, что корен-

ных, обывателей всего только и есть какой-нибудь куцый десяток: два-три грека из Салоник, полдюжины немцев-колонистов, да гостиничный комиссионер, которому просто полагается все знать в городе лучше других, а он не знает и говорит, что он такой старожил, что даже ничего не помнит.

— Я знаю? — спрашивает он вас. — Если я здесь и родился, и учился, и женился, и трижды судился, так — по-вашему — я могу еще что-нибудь помнить? Я же такой старожил...

Старожилы в Одессе надо различать по степени знаменитости. Единственно верный способ.

Не успел Марк Тарловский напечатать свои стихи в 6-ой книжке "Нового мира", как все вдруг вспомнили:

— Кстати. Ведь он же — одессит.

Бабель до "Конармии" считался, должно быть, приезжим. Из Витебска, из Парижа — все равно.

В Одессе очень любят стихи и отлично знают их наизусть. Только потому, что самый ходкий тип старожилы — поэт. Если бы все местные поэты вдруг стали бы знамениты, обывателю некогда было бы говорить прозу. Времени для прозы не хватило бы. С утра, скажем, под Веру Инбер, в полдневный пафос — под Багрицкого, пятое-десятое — под Кирсанова, а там уже вечер, смотришь, и спать пора.

Так весь день в поэтическом трансе и пройдет. И еще неиспользованные поэты останутся, за недостатком времени.

Некий исследователь литературы придерживается того мнения, что не напиши Пушкин большую часть своего "Онегина" в нашем городе — так Пушкина, очень просто, здесь и не знали.

И памятника ни в коем случае ему не поставили бы.

А так одесситы очень культурный народ. Все читали и все знают. И не мурено — либо сами писали, либо о них писали. Но вы представляете, что могло бы выйти, возьми Одесса курс не на поэтов, а — скажем — на одних бухгалтеров...

А возвращаясь к вопросу о центрах, придется сознаться, что вся Одесса живет в центре. Вот Херсон какой-нибудь — это уже не то. Херсон — сплошь пригород. Про Одессу же ничего этого сказать нельзя: куда ни помотришь — всюду центр.

Рис. Сер. Марков



СУФИ.



УЧЕБА

Чтоб смотреть за собою в оба.
Стать полезным винтом в машине,
будем —

Смазывать винт учебы,
мерить азбуки на аршины.
Чтобы каждый,
кто комсомолод,
знал заране,
что в нашей власти
мало только держать за молот,
но —

гранит расколоть на части! —
Мало этого.

Движем большим:
с каждым винтиком будь знакомым,
потому что рабочий должен
быть и слесарем и наркомом.
Если книжка берется боем,
нужно быть и в учебе стойким.
Лишь тогда хорошо построим,
если будем учиться стройке.

Город
может сгореть от спички,
а от воли —
горит работа.

Если труд и наука в смычке,
бей хоть залпами пулемета.

Нам
дорога ясна.
Наводчик
дал наводку —
ее не сменим.
Перед нами
Один и тот же,
был и будет
Владимир Ленин.

Сергей Бондарин.

ЖИЛБЫТ





ДЖУНГЛИ КНИГ...

Вы, должно быть, догадываетесь, о чем идет речь. Ну, конечно, о "публичке", о публичной библиотеке, о гордости нашего района.

"Публичка" это — леса книг... Нет, не леса, а — джунгли.

Публичная библиотека была выстроена в 1907 году. Она имела огромные книгохранилища и мощный читальный зал на 300 человек.

Строители считали: в год поступает в библиотеку 4-5 тыс. томов книг, — следовательно, хранилища хватит на несколько десятилетий.

Прошло только одно десятилетие от Октября, и библиотека стала задыхаться в своих бетонных стенах.

Вместо довоенных 5000 томов



сейчас за год поступает в "публичку" около 60.000 томов.

Книгохранилищ — не хватает. Сейчас в последних закоулках хранилищ лежат такими "беспризорными" 100.000 томов, которые некуда девать. Штабелями кирпичей, ярусами, которые грозят "обвалами", навалены книги.

Тесным оказался и читальный зал: библиотека насчитывает 11.000 читателей.

Выдача книг выросла от 161.000 в 1915 году до 320.000 в 1927 году.

Вы можете здесь застать до ста человек, ожидающих очереди, чтоб занять место за столом.

Болезнь роста...

Библиотеке необходимо расширить книгохранилище и читальный зал. Это все прекрасно понимают.

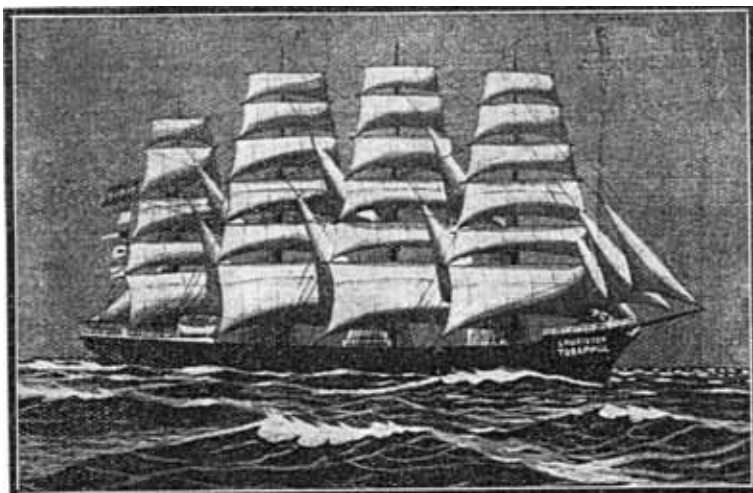
Все в этом вопросе — "за!".

Но вопрос о передаче соседнего дома тормозится и тянется уже два года. Тормозится также вопрос об отводе другого дома по переулку — под новое книгохранилище.

Нужно, чтобы это дело было двинуто более решительно.

Ал. Светлов.





ГЛОБУС

...Слышишь,
Ветер, скрученный и плотный
На канатах мачтовых повис,
Загудели белые полотна
Широко развернутых страниц,
Поворачиваю глобус осторожно,
Розовеет жадная рука
И земли распластанное ложе
Выплывает в озеро зрачка.
Вот оно.
В медлительном покое
Водами тугими потекло
Адриатики, набухшей зноем,
Голубое, дряхлое стекло.
О, полет, неслышанно-упругий
Иноземных, непонятных слов,
На борту медлительной фелюги
Горбоносый, греческий улов...
Дальше, дальше. Триполи, Марокко,
Гибралтара синяя ладонь...
И не нам ли вспомнить, как далеко

Виден миру Английский огонь,
И не нам ли, с накипью несладкой
Бормотанью злобному внимать, —
И встает над глобусом раскатом
Нашей жизни огненная рать.
Наклонюсь над глобусом — и вольно
Мысль неугомонная звенит, —
Ходят по морю тугие волны,
По над морем движутся огни,
Гул и грохот городского дыма,
Скрип да ветры тихих деревень, —
Над страной встает неуголимый
Распахнувшийся
Рабочий день!
...Но конец. И медленно, и сонно
Ветра замедляется полет
И скрипят
Натруженно полотна,
Возвращаясь в жесткий переплет.

Татьяна Тэс

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА 2-й ЗАЕМ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

РАВНЯЙТЕСЬ ПО ЛУЧШИМ!



Бабель и его критики

Талант всегда: или покоряет себе или восстанавливает против себя. Но равнодушным никогда не оставляет. Чем талантливее, чем ярче, чем оригинальнее — тем острее любовь или вражда, тем категоричнее признание или отрицание.

Эту судьбу писателя познал ныне и Бабель, за чьим литературным развитием особо чутко следит пролетарская общественность Одессы, в которой он последние годы жил, откуда он добровольно пошел в Конармию и куда он с войны вернулся, чтобы здесь, в тиши одинокой комнаты на окраинной Молдаванке, оттачивать остроту своих миниатюр, ставших сейчас предметом ожесточенного литературного спора.

... "Гражданин Бабель рассказывает нам про Конную Армию бабьи сплетни, роется в бабьем барахле-белье, с ужасом по-бабьи рассказывает о том, что голодный красноармеец где-то взял буханку хлеба и курицу; выдумывает небылицы, обливает грязью лучших командиров-коммунистов, фантазирует и просто жлет...

Т. Буденный выступает на защиту тех, кого "дегенерат от литературы Бабель оплевывает художественной слюной классовой ненависти", — так резко и, конечно, несправедливо, как увидим ниже, оценивает в № 3 "Октября" творчество Бабеля командарм конной т. Буденный. За этим категорическим отрицанием Бабеля следует ряд критиков, "предостерегающих" Бабеля от тысячи ожидающих его "напастей" и ставящих поэтому вопрос о его писательском лице.

П. Ионов в "Правде", в рецензии о пятой книге "Красной Нови", пишет: ... "В одной из своих миниатюр Бабель пишет о командире эскадрона Мельникове: "И он мне рассказывал о женщинах так подробно, что мне было стыдно и приятно слушать. Это, я думаю, потому, что нас потрясли одинаковые страсти. Мы оба смотрели на мир, как на луг в мае, на луг, по которому ходят женщины и кони". Это место бросает чрезвычайно яркий свет на Бабеля. Интеллигент, "сведенный с ума воспоминаньем о мечте своей, об Аполеке", нашел, что у него общее с героями конармии... в авантюристическо-гедонистском взгляде на жизнь, как на луг, где пасутся кони и женщины!

На этом же моменте в творчестве Бабеля останавливается и Н. Осинский, в новогоднем номере "Правды" ("Литературный год") решительно пишущий:

... "Не конармия оказалась состоящей исключительно из деклассированных типов, видящих все свое сногшибательный номер, гоняться за жеребцами и назначение в том, чтобы покрепче выпить, отмочить кобылками"...

хотя несколько выше, опровергая и себя, и впечатления т. Буденного, тот же Осинский констатирует:

... "И тут же — отличная (не во всем) картинка "Колесников", где описан Буденный — редкий образчик в беллетристике хорошего портрета, не описания типа (тип можно строить по своему усмотрению), а описания конкретного человека, так что он похож"...

Это умение дать "конкретного человека" отмечает и В. Плетнев в "Альманахе Пролеткульта":

... "Язык бытовой он (Бабель) знает до тла, слововыбор у него для его сюжетов отличный, перевоплотиться иль трансформироваться из казака-красноармейца в Мишку-Япончика, веселого короля воров, ему ничего не стоит, и тот и этот, как живые".

Последнее, правда, со своей узкой формалистской точки зрения, но метко объясняет в "Лефе" № 6 В. Шкловский, полагающий, что Бабель

"чужой в армии, он иностранец с правом удивления. Он подчеркивает при описании военного быта "слабость и отчаяние" зрителя"...

Против приведенных выше мнений, с решительной апологией Бабеля, выступает в большой статье в "Красной Нови" (№ 5) т. Воронский:

... "Как редактору "Красной Нови", в которой печатается Бабель, автору статьи пришлось выслушать ряд самых жестоких упреков от некоторых виднейших военных работников в Красной армии..."

... Подобные упреки основаны на целом ряде недоразумений...

... Бабель, как это очевидно из его миниатюр, прошел в конармии суровую и здоровую школу. Конармия научила его ценить правду, истинность, справедливость, непреложность и самоценность "бабищи" — жизни в противовес мечтательной отвлеченности. Здесь он увидел, что правда Афоньки, Балмашева, Сашки неизмеримо выше правды "зрителей без бинокля", Альфредов и Альфредиков.

Понимание этой правды — смутное, туманное, отвлеченное, но крепко засевшее в голову. Они почти все правдоискатели: Сашка Христов, Балмашев, Левка, Мельников, Сашка Эскадронная, Афонька, даже Курдюков, даже Король из "Одесских рассказов", даже Конкин, "обиженный" махновцами.

...Бабель глубоко заглянул в народную толщу Афонек и там даже под покровом жестокостей увидел правду их жизни, непреложной, как роса, воздух, солнце, море, горы. Считать художника близким к какой-то контрреволюции на том основании, что он не дал настоящих коммунистов, значит пройти мимо основного содержания его творчества. Бабель больше наш, чем многие иные, старательно наклеивающие на свои великий ответственный ярлык коммунизма и пролетарского искусства!!

Решительно положительной является оценка Н. Смирнова, который в "Известиях ВЦИК" пишет: "Мы обращаем внимание читателя на... Бабеля, как на значительное и выдающееся событие в литературной жизни.

Бабель — талантливый писатель. Прежде всего, рассказчик, мастерски владеющий своим материалом... Рассказы Бабеля заставляют вспомнить наших лучших литературных мастеров. Но если в творчестве Бабеля и преломляется несколько влияний (Лесков, Замятин), то все же он глубоко — самостоятелен и целен.

...Он сюжетен. Но его сюжетность... в его неожиданной и неизменно оправдываемой заостренности...

...Он образен... Редкий, но яркий образ сквозит во всем его повествовании. Слово северное сияние над льдами.

Мы уверены, что Бабель даст нашей литературе многое!"

...Такова оценка, данная творчеству Бабеля нашей критикой. Успехи Бабеля велики и не меньше поэтому его неудачи. Его выдающееся мастерство признано даже оспаривающими. А из тех противоречий, которые в его творчестве в известной степени и имеются, помогут ему, думаем, выработать его острый глаз, чуткое ухо, твердое и неуклонное стремление осознать и воплотить в кованные строки своего письма героической великой Революции.

И. КРУТИ.



СОЛОМОН КИШЕНЕВСЬКИЙ



Соломон Яковович Кишеневський народився в м. Одесі року 1862 в родині ремісника-робітника. З малих років, ще будучи учнем у хедеру, С. Я., не дивлячись ні на які перепони ортодоксального осередку, С. Я. ще на ослонах тої специфічної школи почав захоплюватися образотворчим мистецтвом. В яких умовах було єврейство другої половини минулого сторіччя у феодално-поміщицькій царській Росії, добре знає кожний. Єврейському юнакові ще з дитинства призначилося бути або дрібним крамарем, або дрібним ремісником. Дальше за таку перспективу єврейській бідняцькій молоді не дозволялося нічого бачити. І, звичайно, прояв любові в дитині до малювання

мусів засмучувати і добрих знайомих і саму родину Кишеневського.

Без допомоги, без будь-якої школи до 18 років С. Я. малює пейзажі з натури й лише у 18 літ вступає до одеської художньої школи, яку і закінчив. Коли пишеш за єврейського культурного робітника, то мимоволі згадуєш тяжку долю кожної єврейської дитини минулого. Наприклад, відомий мандрівник Вамбері (єврей з Буда-Пешту) своє дитинство провів у пивниці вдовині матері, де під столами вивчав східні мови й де веселі відвідувачі обливали дитину рештками недопитків з пива. Так було в царській Росії, так на Угорщині, так і по всіх капіталістичних країнах.

І не дивно, що по закінченні одеської художньої школи, де С. Я. відзначено двома срібними медалями та одним бронзовим — він опинився на вулиці, бо єдиний шлях — до педагогіки йому, як євреєві, був закритий. Без грошей, без якої будь підтримки С. Я. все таки потрапляє за кордон, спочатку до Мюнхену, потому до Берліну, Риму й Парижу. Уперто студіює він старе мистецтво, захоплюється новим і вже з поворотом на Україну, до м. Одеси, року 1888 виступає на виставці, як молодий, закінчений художник.

Тоді його "ласкаво" помічають. Він стає популярний через дві-три виставки, його купує "Третьяковка", його приймають "передвижники". Та й С. Я. охоче йде з "передвижниками", їхні народницькі ідеї цілком відповідають настроєві молодого майстра. Під впливом Маковського, Рєпіна, особливо першого (з боку тематики та сприймання речі) С. Я. малює будні звичайного життя. І які були будні — такий був і колорит тодішнього Кишеневського: непривітний, суворий, але переконаний у своїй народницькій правді. Бездомні діти, покидьки капіталістичного болота, забруджені околиці портового міста, самий порт з чорними баржами, з вантажними пароплавами, світанки на порожніх вулицях, де від учора залишилися стільки смітника та недоїдків, бездомні пси, що з тих світанків найбільшо задоволені, — от

той можливий світ, який впливає на художника.

Можливий тому, бо глибше не можна було аналізувати соціальної нерівності тодішньої буденщини — все одно такого твору царська цензура не дозволила би експонувати, як це бувало з картинами художника Миколи Ге. Великий оптиміст С. Я. викопує будні навмисне. Бо їх, як і в кожному календарі, буває найбільше. Дуже. Уся його художня праця, цілих сорок років, відбулася на Україні. І його роля, яко культурного діяча, внесла свою частину в розвиток мистецтва нашої країни. Кишеневський — дійсний художник: ні холод, ні голод перших часів революції не спинили його роботи, ні погані матеріальні умови сьогодні не створили злобливости в його істоті. Він такий же бадьорий у 67 літ, як і колись. Постійний учасник всеукраїнських виставок, захоплений революційною тематикою, — С. Я. демонструє тепер свою працю за ювілейний період. Громадянство повинно широко відгукнутися на таку подію. Ретроспективна виставка в Політехнікумі образотворчих мистецтв (вул. 10-річчя Черв. армії 16) — повинна переконати глядачів як у майстерній вдатності С. Я. так і в тій любові до мистецтва, що він виявив протягом такого великого часу.

Проф. МИХ. ЖУК.



Цього року минуло десять літ, як у Києві невідомі бандити вбили одного з кращих художників-українців — Олександра Олександровича Мурашку. Мурашко народився в Києві 26-го серпня 1875 року. Батько його Олександр Іванович був власником відомої в Києві і на Україні іконостасні, де Олександр Олександрович уперше познайомився з

художніми матеріалами і малярським мистецтвом, працюючи над іконами для провінціальних церков. Дядько його Микола Іванович був художник, що заснував у Києві першу художню школу, де О. О. і одержав початки художнього виховання. 18 років, при енергійній підтримці проф. Прахова, що переконав О. О. в його художній талановитості, він виїхав до Петрограду в майстерню І.Є. Рєпіна.

За конкурсну працю — велику картину "Похорон Кошового" О. О. дістав закордонне відрядження, що потім того поновлялося аж двічі по поданні праць, виконаних у Мюнхені та Парижі. Тоді ж таки деякі його праці придбала Академія Мистецтва та музей Олександра III. В Парижі та Мюнхені Мурашко завершив свою художню освіту. Потім повернувся до Петербургу, де прожив до весни 1909 року. Того ж саме року назавжди переїхав до Києва, де його обрали на вчителя Київської худ. школи. Але вже 1912 р. Мурашко пориває з казенним отточенням школи і відкриває власне ательє, де працює спільно з Козловим та Крігер-Праховою. Мурашкова майстерня дуже популярна серед худ. молоді





проіснувала аж до народження Укр. Акад. Мист. у Києві. Мурашко здійснив свою колишню мрію, щоб побачити в рідному місті справжнє вогнище вищої художньої культури. Він брав діяльну участь у комісії для заснування Академії і, як професор вищої школи, мав любов і пошану від своїх товаришів та учнів.

Як художник О. О. відомий не тільки на Україні та Росії, але й далеко за їх межами. З 1909 р. включно до початку імперіялістичної війни він виставляє свої картини в Германії (Мюнхен) — на міжнародній виставці, де 1909 року одержав золоту медалью за картину "Карусель", куплену до Будапешту. Потім в Берліні 1911 року він улаштував свою невеличку виставку в приватній галереї Шульге, відкіля вона

була потім переведена до Дюсельдорфу та Кельну.

1910 року на міжнародній виставці у Венеції Мурашко виставляє цілий ряд робіт, як от "Недільний день", "Жінки в білому" та інші. Усе продано до Америки (Нью-Йорк) та до Бухарештів. 1912 року на міжнародній виставці в Амстердамі О. О. теж виставляє чимало речей, які розкупували аматори — знавці та колекціонери.

Мурашко темпераментний та великого кругозору художник. Його майстерність в обсягу рисунку та широкі барвні компоновання, завжди тішили глядача тою вільністю й співом, що давали полотна на кожній виставці.

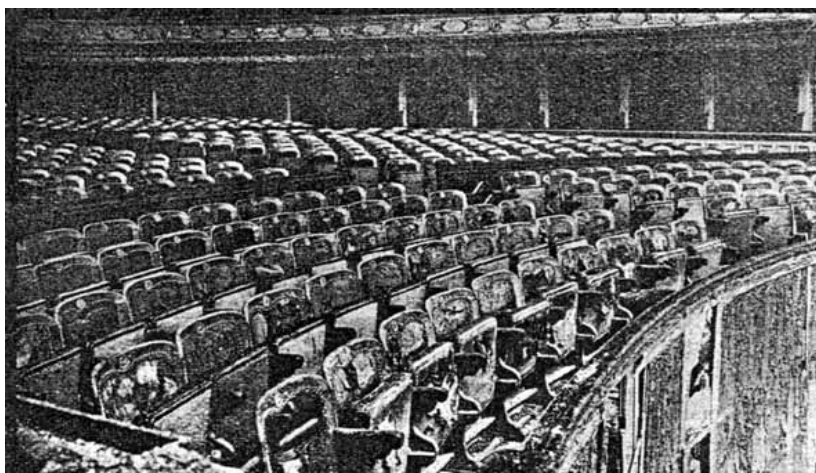
Це були якісь хори глибоких переживань, де художників пензель як диригентова паличка, керував незнану симфонію. Від бадьорого вихрестого настрою "Каруселі", де водометом бризкала людська, здорова втіха, до лірики смутку "Тихого горя", до цілого ряду майстерно виконаних портретів, — доторкнувся його чарівний пензель, і вони довго житимуть на втіху людям.

Треба гадати, що спадщину в роботах О. О., яку посідає його дружина, надбає держава до народньої галереї. Д. В. У. в своєму пляні має найближчим часом випустити монографію Мурашка.

Звичайно, давно слід популяризувати такого видатного майстра.

Проф. Мих. Жук

Пожар им. Луна



театра чарского

